

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
<http://www.srji.org/resources/search/120/> Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно
для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the
sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ГАЗИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 15439/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Данный текст был отредактирован 4 мая 2009 года
в соответствии с Правилом 81 Регламента Суда

СТРАСБУРГ

9 апреля 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 ноября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Газиева и другие против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Председатель Палаты Суда,*

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николаи, *судьи,*

и Серен Нильсен, *секретарь Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями, 19 марта 2009 года

вынес следующее постановление в последний вышеупомянутый день.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№15439/05) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») тремя гражданами Российской Федерации, перечисленными далее («заявители»), 29 марта 2005 года.

2. Заявители были представлены юристами "Правовой инициативы по России" ("SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») было представлено г-жой В. Милинчук, бывшим Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека, а позднее — его новым Представителем г-ном Г. Матюшкиным.

3. 1 сентября 2005 года Суд решил применить Правило 41 Регламента Суда и предоставить приоритетный порядок разбирательства данной жалобы.

4. 7 марта 2008 года Суд решил уведомить Правительство о поданной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса ее приемлемости.

5. Правительство возразило против рассмотрения жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости. Рассмотрев указанное возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители:

- 1) Г-жа Зарета Хамидовна Газиева¹, 1973 года рождения,
- 2) Г-жа Радима Абдул-Маликовна Шахмурзаева, 2001 года рождения,
- 3) Г-н Рахим Абдул-Маликович Шахмурзаев, 1999 года рождения.

7. Заявители проживают в селе Чечен-Аул, в Грозненском районе Чеченской Республики. Первая заявительница является женой Абдул-Малика Шахмурзаева, 1968 года рождения. Вторая заявительница приходится ему дочерью, а третий заявитель — сыном.

А. Исчезновение Абдул-Малика Шахмурзаева и последующие события

1. Позиция заявителей

8. В относящийся к материалам по делу период село Чечен-Аул и его окрестности были полностью под контролем российских военных; на дорогах, ведущих в это село и из него, были расположены блокпосты, контролируемые российскими военнослужащими.

9. 8 февраля 2001 года после полудня три БТР (бронетранспортера) загородили дорогу между селом Чечен-Аул и автомагистралью Грозный — Шатой. Регистрационные номера БТР были покрыты грязью. Люди, прибывшие на БТР, останавливали каждую машину, проезжавшую по дороге. На них были надеты черные маски и униформа, при себе имели портативные рации. Они вели себя как члены организованной группы со своей внутренней иерархией. По словам заявителей, группа принадлежала к дивизии Северокавказского округа внутренних войск Министерства внутренних дел «Дон-100».

10. В тот же день после полудня Абдул-Малик Шахмурзаев ехал на грузовике ЗИЛ — 130 в направлении Чечен-Аула. Ранее, в тот же день, он взял двух пассажиров, односельчан, г-на Малика З. и г-на Гилани М, чтоб подвезти их в Чечен-Аул.

11. Около трех часов пополудни грузовик Абдул-Малика Шахмурзаева был остановлен группой военнослужащих на БТР. Ему и двум другим пассажирам приказали выйти из машины, лечь лицом к земле и отвечать на вопросы военных.

12. Абдул-Малик Шахмурзаев отказался лечь лицом к земле и сказал, что он ответит на вопросы стоя. Один из военных сказал ему: «Ты не только ляжешь, но и будешь ползать и лаять как собака, если мы тебе скажем», и трое военнослужащих стали ругаться и бить его прикладами винтовок.

Свидетелями избиения были трое других людей, которых также остановила эта группа военнослужащих: г-н С., г-н Г. и г-н Ю.

13. После избиения Абдул-Малика Шахмурзаева посадили в один из бронетранспортеров и увезли. Два пассажира Абдул-Малика Шахмурзаева, которых он подвозил этим утром, также были задержаны. Военнослужащие также задержали водителей двух других грузовиков марки ЗИЛ, которых избили, но отпустили вечером 8 февраля 2001 года. Эти водители, г-н Ю. и г-н Г., пришли к заявителям и рассказали им об аресте Абдул-Малика Шахмурзаева.

14. 9 февраля 2001 года первая заявительница поехала в военную комендатуру в близ лежащее село Гикало. Там она говорила с сотрудником, который отказался назвать свое имя. Он подтвердил, что Абдул-Малик Шахмурзаев был арестован 8 февраля 2001 года военнослужащими, однако сообщил, что против него не было выдвинуто никаких обвинений. Двое мужчин, которых Абдул-Малик Шахмурзаев подвозил 8 февраля, также находились под арестом.

15. 9 февраля 2001 года первая заявительница поехала в военную комендатуру Урус-Мартановского района. Там она встретилась с сотрудником, который рассказал ей, что Абдул-Малик Шахмурзаев и два его пассажира находятся в «Тюрьме Танги-Чу» в деревне Танги-Чу (именуемой также Тенги-Чуй).

16. Обстоятельства похищения Абдул-Малика Шахмурзаева, изложенные заявителями, были основаны на свидетельских показаниях, которые были предоставлены Суду: показания родственника заявителей г-на Р.С., изложение событий г-ном С.(без даты); изложение событий очевидцем, г-ном Г. от 30 сентября 2003 года; изложение событий очевидцем, г-ном Е. от 30 сентября 2003 года; изложение событий очевидцем, г-ном Ю. от 30 сентября 2003 года и нарисованная от руки карта села Чечен-Аул.

2. Информация, предоставленная Правительством

17. Правительство не оспаривало факты, представленные заявителями. В своем меморандуме Правительство утверждает, что «по факту похищения 8 февраля 2001 года неустановленными лицами жителей села Чечен-Аул г-на Малика З., г-на Абдул -Малика Шахмурзаева и г-на Гилани М., которые были увезены [похитителями] в неизвестном направлении, прокуратурой Грозненского района Чечни возбуждено уголовное дело № 19074 по статье 126 § 2 [Уголовного кодекса Российской Федерации] (похищение при отягчающих обстоятельствах).

18. Ссылаясь на информацию, полученную в ходе расследования по факту похищения Абдул-Малика Шахмурзаева, Правительство представило следующую информацию относительно обстоятельств его похищения.

19. 18 июня 2001 года следственные органы допросили г-на Х.З. и г-на А.М., родственников пропавших. Они показали, что их односельчане рассказывали им, как 8 февраля 2001 года, примерно в 16 часов, военные, дислоцировавшиеся на территории бывшего консервного завода в п. Гикало, арестовали Абдул-Малика Шахмурзаева, находящегося за рулем грузовика ЗИЛ-131, вместе с двумя пассажирами, которых он подвозил в тот день. Вечером того же дня трое задержанных мужчин были доставлены в штаб

военной части, расположенный на территории этого консервного завода. 9 февраля 2001 года задержанные были увезены в расположение воинского подразделения «ДОН-100» в селе Танги-Чу. Через три дня военные вернули грузовик ЗИЛ Шахмурзаевым, пояснив, что 11 февраля 2001 года трое задержанных были переданы в Урус-Мартановскую военную комендатуру.

20. 27 июля 2001 года следственные органы допросили родственника заявителей г-на У.Г., который показал, что утром 8 февраля 2001 года его родственник — Абдул-Малик Шахмурзаев взял у него на время его грузовик ЗИЛ-131, чтобы поехать в поселок Олды за нефтяными отходами, после чего он исчез. Некоторое время спустя очевидцы происшедшего рассказали ему, что Абдул-Малик Шахмурзаев и двое его попутчиков были задержаны на блокпосте в поселке Чечен-Аул. Их отправили в поселок Гикало. 9 февраля 2001 года очевидцы через знакомых сообщили ему, что Абдул-Малик Шахмурзаев и двое других мужчин были отправлены в Урус-Мартан, а глава местной администрации сообщил им, что троих задержанных отправили из Урус-Мартана в село Танги-Чу.

Позднее, следственные органы допросили этого свидетеля снова, и он показал, что ему стало известно, что 8 февраля 2001 года Абдул-Малик Шахмурзаев взял двух жителей села Чечен-Аул, г-на М. Зубхаджиева и г-на Г. Магомадова, чтобы подвезти их до этого села. Они ехали из поселка Гикало в Чечен-Аул, когда их грузовик был остановлен неизвестными лицами в камуфлированной форме, которые их и задержали. Родственники начали их поиски; они выяснили, что сначала троих мужчин отправили в военную комендатуру в п. Гикало, которая находилась на территории бывшего консервного завода, а впоследствии они были вывезены в село Танги-Чу Урус-Мартановского района Чечни.

21. 28 июля 2001 года следственные органы допросили родственницу заявителей г-жу М.Г., которая дала показания, аналогичные показаниям г-на У.Г.

22. 24 декабря 2001 года следственные органы допросили г-на А.Х., который показал, что 8 февраля 2001 года, примерно в 16 часов, он ехал в Чечен-Аул на своем автомобиле ВАЗ-2104. Впереди, в том же направлении ехал грузовик ЗИЛ Абдул-Малика Шахмурзаева. На въезде в село группа неизвестных вооруженных людей в масках на двух БТР проверяли у проезжавших лиц документы. Свидетель видел, как из грузовика Абдул-Малика Шахмурзаева высадили троих мужчин и посадили в один из бронетранспортеров, который уехал вместе с ними. На следующий день он узнал, что этими тремя мужчинами были А.-М. Шахмурзаев, М.З. и Г.М.

Позднее, следственные органы допросили свидетеля снова, и он показал, что в начале 2001 года он вместе со своим двоюродным братом г-ном И.К. и еще одним молодым человеком на автомобиле ВАЗ направлялся из Грозного в село Чечен-Аул. На въезде в это село они были остановлены группой неизвестных лиц на двух БТР. Эти люди были вооружены и одеты в камуфлированную форму. Они вывели свидетеля и его пассажиров из машины, проверили их документы и заставили их положить руки на багажник. Между двумя БТР стояли три или четыре грузовика с емкостями для перевозки нефтяных отходов. На земле несколько человек лежали лицами вниз. Один из них соскочил и попытался убежать. Кто-то из мужчин в

камуфлированной форме крикнул ему «Стоять!» и выстрелил дважды. Человек, который пытался убежать, упал на землю и начал кричать: «Убейте меня!» Как оказалось, этот человек был ранен. Далее несколько мужчин в камуфлированной форме затолкали раненого в БТР со словами «Тебе же было сказано не убежать». В эту же машину посадили еще несколько задержанных. После этого люди в камуфлированной форме сказали: «Собираемся, поехали». Затем свидетель и его пассажиры сели в свою машину и уехали. После этого свидетель приехал на рынок в селе Чечен-Аул, где он рассказал своим односельчанам о случившемся.

23. 24 декабря 2001 года следственные органы также допросили г-на Б.Ш., брата Абдул-Малика Шахмурзаева свидетель показал, что 8 февраля 2001 года Абдул-Малик Шахмурзаев, Малик З. и Гилани М. Ехали из села Гикало в село Чечен-Аул. При въезде в это село они были остановлены, высажены из машины и увезены в военную комендатуру в село Гикало. Утром 9 февраля 2001 года свидетель поехал в военную комендатуру, где ему сказали, что задержанные были перевезены в Урус-Мартановское управление Федеральной службы безопасности (Урус-Мартановское УФСБ). В Урус-Мартане свидетелю не удалось ничего выяснить о своем брате.

24. В неустановленный день следственные органы допросили г-на А.М., брата Гилани М. Свидетель показал, что жители села Чечен-Аул рассказали ему, что 8 февраля 2001 года его брат выехал с Маликом З. в село Гикало, чтобы сделать фотографии на водительское удостоверение. На въезде в Чечен-Аул они были высажены из машины и увезены в военную комендатуру в село Гикало. Утром 9 февраля 2001 года свидетель поехал в комендатуру в село Гикало, где ему сказали, что задержанных передали сотрудникам Урус-Мартановского УФСБ. В Урус-Мартане свидетелю не удалось ничего выяснить о своем родственнике.

25. 22 мая 2002 года следственными органами был допрошен г-н Р.Р., сосед Абдул-Малика Шахмурзаева, который показал следующее. Односельчане рассказали ему, что, когда Абдул-Малик Шахмурзаев ехал на грузовике ЗИЛ-131 из села Гикало в Чечен-Аул, он взял двух пассажиров, Малика З. и Гилани М. Двое других жителей села Чечен-Аул ехали за автомобилем Абдул-Малика Шахмурзаева на еще одном грузовике ЗИЛ-131. Эти двое жителей села Чечен-Аул были также задержаны теми военными и отправлены вместе с Абдул-Маликом Шахмурзаевым и его пассажирами в военную прокуратуру в село Гикало. Эти двое были освобождены через два часа, они и сообщили заявителям об аресте Абдул-Малика Шахмурзаева и его пассажиров.

Позднее, следственные органы допросили свидетеля еще раз, и он показал, что 8 февраля 2001 года он ехал из Грозного в село Чечен-Аул. На въезде в это село он встретил своих односельчан г-на Л.Д. и еще одного человека. Они рассказали ему, что примерно за 10 минут до его приезда группа неустановленных лиц на БТР увезла Абдул-Малика Шахмурзаева, Малика З. и Гилани М. Свидетель также понял, что один из увезенных людей был ранен. Согласно показаниям свидетеля, он узнал, что задержанных отвезли на бывший консервный завод в поселок Гикало, где в это время располагались местная военная комендатура и военная часть. Некоторое

время спустя троих задержанных перевезли куда-то в Урус-Мартановский район.

26. В неустановленный день следственные органы допросили г-на И.Р., который дал показания, аналогичные показаниям г-на Р.Р.

27. 27 мая 2002 года заявители и их родственники написали в прокуратуру Грозненского района (районная прокуратура) и предоставили следующие детали относительно обстоятельств похищения Абдул-Малика Шахмурзаева. 8 февраля 2001 года он ехал на грузовике ЗИЛ-131 из Гикало в Чечен-Аул. На повороте в Чечен-Аул он посадил в автомобиль двух жителей села Чечен-Аул, чтобы подвезти их до этого села. При въезде в село Чечен-Аул его автомобиль был остановлен группой военных на двух БТР. Когда грузовик остановился, один из пассажиров Абдул Малика Шахмурзаева попытался убежать. Однако он был пойман военными, которые забрали всех троих мужчин в Гикало. Оттуда задержанные были увезены в другое место. Грузовик был возвращен Шахмурзаевым. Спустя три дня после ареста Абдул-Малик Шахмурзаев и два его попутчика были переданы в Урус-Мартановское УФСБ. Тем не менее, когда заявители и их родственники приехали в Урус-Мартановское УФСБ, сотрудник ведомства сообщил им, что эти трое мужчин никогда не доставлялись в их управление. В августе 2001 года некий мужчина, ранее находившийся в задержании в Урус-Мартановском УФСБ, рассказал заявителям, что видел Абдул-Малика Шахмурзаева в камере Урус-Мартановского УФСБ и даже разговаривал с ним.

28. В неустановленный день следственные органы допросили г-жу З.А., сестру Абдул-Малика Шахмурзаева, которая показала, что ее брат А.-М. Шахмурзаев работал водителем и на грузовике ЗИЛ-131 перевозил нефтяные отходы. 8 февраля 2001 года он поехал на работу. В тот же день от жителей села Чечен-Аул она узнала, что он и двое других мужчин из их села были задержаны неустановленными лицами в камуфлированной форме, передвигавшимися на трех БТР. Очевидцы задержания, рассказали ей, что они видели группу людей в камуфлированной форме, которая остановила грузовик ее брата на въезде в село. Один из задержанных пытался сбежать, но он был ранен в ногу, и его поймали. Люди на БТР поместили Абдул-Малика Шахмурзаева, Малика З. и Гилани М. в один из бронетранспортеров и уехали в направлении военной комендатуры, которая находилась на территории бывшего консервного завода в селе Гикало.

29. В неустановленный день следственные органы допросили г-жу Л.Я., г-жу М.А. и г-на И.И., и все они показали, что в начале 2001 года на окраине села Чечен-Аул неизвестные лица в камуфлированной форме увезли троих их односельчан, Абдул-Малика Шахмурзаева, Малика З. и Гилани М.

30. Ссылаясь на рапорт сотрудника Отдела внутренних дел Грозненского района (РОВД), Правительство утверждает, что «в 2001 году на территории бывшего консервного завода [в поселке Гикало] некоторое время дислоцировалась бригада внутренних войск МВД Российской Федерации».

31. Правительство также обращает внимание, что заявители не сообщали властям об очевидцах задержания и предположительного избияния Абдул-Малика Шахмурзаева.

В. Поиск Абдул-Малика Шахмурзаева и официальное расследование по факту его похищения

1. Позиция заявителей

32. Первой заявительнице в поисках ее мужа помогала сестра Абдул-Малика Шахмурзаева. Они связывались лично и в письмах с различными официальными органами, такими, как Чеченская администрация, военные комендатуры и прокуратуры разных уровней, подробно описывая обстоятельства похищения их родственника и прося помощи в установлении его местонахождения. Заявители сохранили копии некоторых своих заявлений и представили их Суду. Существенная информация приводится ниже.

33. 9 июня 2001 года районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту исчезновения Абдул-Малика Шахмурзаева по статье 126 §2 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение при отягчающих обстоятельствах). Материалам дела был присвоен номер 19074 (в представленных Суду документах также указывается номер 19127).

34. 16 и 25 июля 2001 года прокуратура Чеченской Республики передала в районную прокуратуру письма родственницы заявителей, в которых она просила о содействии в поисках Абдул-Малика Шахмурзаева.

35. 21 марта 2003 года военная прокуратура войсковой части передала просьбу найти Абдул-Малика Шахмурзаева в некоторые правоохранительные органы.

36. 18 апреля 2003 года, 4 декабря 2003 года, 2 июня 2004 года, 6 октября 2004 года и 21 марта 2005 года представители заявителей неоднократно и безуспешно запрашивали информацию из районной прокуратуры. Они просили проинформировать, когда было возбуждено уголовное дело по факту похищения, какой номер был присвоен материалам дела, кому было поручено уголовное расследование, и есть ли какие-нибудь результаты. Кроме того, они просили сообщить, признаны ли заявители или их родственники потерпевшими по возбужденному уголовному делу, передали ли органы власти запросы об информации по поводу местонахождения Абдул-Малика Шахмурзаева в различные места заключения и были ли допрошены следственными органами очевидцы похищения Абдул-Малика Шахмурзаева.

37. 6 мая 2003 года и 8 января 2004 года районная прокуратура уведомила заявителей, что расследование данного уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установления виновных лиц.

38. 23 мая 2003 года военная прокуратура войсковой части № 20102 сообщила родственнице заявителей, что воинская часть №3660 не проводила никаких операций в селе Чечен-Аул в феврале 2001 года.

39. В августе 2004 года (дата неразборчива) районная прокуратура уведомила заявителей, что расследование данного уголовного дела было возобновлено 29 июля 2004 года.

40. 19 апреля 2005 года прокуратура Чеченской Республики сообщила заявителям, что они были надлежащим образом проинформированы о ходе уголовного расследования.

2. Информация, представленная Правительством

41. Правительство в своих замечаниях обращает внимание, что заявление о похищении Абдул-Малика Шахмурзаева было подано заявителями в районную прокуратуру только 7 августа 2001 года.

42. Более того, Правительство отмечает, что в неустановленный день заявление о похищении было подано родственником другого человека, похищенного вместе с Абдул-Маликом Шахмурзаевым, г-ном Х.З. Специальному Представителю Президента России по Правам Человека в Чечне (далее - Представитель). 9 июня 2001 года Представитель перенаправил это заявление в районную прокуратуру. Вследствие чего, 9 июня 2001 года районная прокуратура возбудила уголовное дело № 19074.

43. 17 июня 2001 года следственные органы запросили РОВД установить, проводились ли военными или правоохранительными органами какие-либо спецоперации в окрестностях села Чечен-Аул 8 февраля 2001 года.

44. 20 или 28 июня 2001 года следственные органы запросили РОВД допросить родственников похищенных людей и тех жителей села Чечен-Аул, которые могли бы оказаться очевидцами похищения.

45. В неустановленный день следственные органы запросили отдел УФСБ России по Чеченской Республике в Грозненском районе и РОВД установить, причастны ли какие-либо правоохранительные органы или военные части к похищению родственника заявителей. Также предписывалось установить какие подразделения силовых структур дислоцировались на территории бывшего консервного завода в поселке Гикало в 2001 году и доставлялись ли туда Абдул-Малик Шахмурзаев, Малик З. и Гилани М.

46. В неустановленный день на месте похищения следственные органы провели осмотр места происшествия. Ничто не указывает на то, что на месте осмотра были собраны какие-либо улики.

47. Согласно ответам, полученным от РОВД, Абдул-Малик Шахмурзаев, Малик З. и Гилани М. в списках незаконных вооруженных формирований не числились. Они никогда не преследовались в судебном или уголовном порядке и не задерживались за уголовные или административные правонарушения; они не обращались за медицинской помощью; неопознанные трупы с их особыми приметами не были обнаружены. Ответы также подтверждали, что на территории бывшего консервного завода дислоцировалась бригада внутренних войск Министерства внутренних дел (см. пункт 30 выше).

48. Согласно ответу, полученному от Оперативно-розыскного бюро — 2 Главного Управления по ЮФО МВД РФ, в селе Чечен-Аул никаких спецопераций их подразделениями не проводилось, и никакой информации о местонахождении похищенных мужчин не имеется.

49. По словам Правительства, несмотря на то, что в ходе расследования не удалось установить местонахождение Абдул-Малика Шахмурзаева виновных в его похищении, оно не прекращалось. Дополнительные запросы о предоставлении сведений были направлены в различные военные и правоохранительные органы. Заявители были надлежащим образом

проинформированы обо всех решениях, принимавшихся в ходе расследования.

50. Несмотря на требование Суда, Правительство не предоставило никаких документов по уголовному делу № 19074, основываясь на том, что уголовное расследование не было закончено и что предоставление документов могло бы нарушить положения Статьи 161 Уголовно-процессуального Кодекса РФ.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

51. См. обобщенное изложение применимых норм внутригосударственного законодательства в постановлении *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia* (№. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007 года).

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО НЕИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

52. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Абдул-Малика Шахмурзаева еще не окончено. Кроме того, Правительство отметило, что у заявителей было право подать в суд жалобу на действия (или бездействие) следственных или других правоохранительных органов, но заявители не воспользовались этим средством правовой защиты. Также Правительство утверждало, что у заявителей было право предъявить гражданские иски на возмещение морального вреда, причиненного действиями государственных органов, но они также не сделали этого.

53. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что уголовное расследование оказалось неэффективным. Ссылаясь на другие рассмотренные Судом дела в отношении подобных преступлений, заявители также указали, что существование административной практики непроведения расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне, в данном случае сделало все потенциально эффективные средства правовой защиты неадекватными и иллюзорными. Они также указали, что отсутствие информации о ходе расследования уголовного дела стало для них препятствием при обращении во внутригосударственные суды.

В. Оценка, данная Судом

54. Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и применимой практики Суда (для соответствующего обобщения, см *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 октября 2006 года).

55. Суд обращает внимание, что российская правовая система предусматривает, в принципе, два пути обращения за помощью для жертв незаконных и преступных действий, приписываемых государству или его агентам, а именно гражданские и уголовные средства защиты права.

56. Что касается гражданского иска о получении компенсации ущерба, понесенного из-за предполагаемых противоправных действий или незаконного поведения государственных агентов, Суд уже решил во множестве подобных дел, что эта процедура сама по себе не может быть расценена как эффективное средство правовой защиты в контексте жалоб, поданных по Статье 2 Конвенции. Рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно, в отсутствие результатов следствия по уголовному делу, привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 г. и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны использовать гражданские средства правовой защиты.

57. В отношении уголовного судопроизводства, предусмотренного российской правовой системой, Суд отмечает, что заявители подали жалобы по факту похищения Абдул-Малика Шахмурзаева в соответствующие правоохранительные органы, расследование находится на стадии рассмотрения с 9 июня 2001 года. Заявители и Правительство оспаривают эффективность уголовного расследования по факту этого преступления.

58. Более того, Суд полагает, что возражение Правительства затрагивает проблемы в отношении эффективности расследования, которые связаны с существом жалобы заявителей на нарушение Статьи 2 Конвенции. Таким образом, этот вопрос должен рассматриваться по существу и должен исследоваться в соответствии с материальными положениями Конвенции.

II. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Доводы сторон

59. Заявители утверждали, что вне разумного сомнения люди, которые увезли Абдул-Малика Шахмурзаева, были агентами государства. В поддержку своих доводов они привели следующие факты. В феврале 2001 года село Чечен-Аул полностью находилось под контролем федеральных войск. На дорогах, ведущих в это село и из него, были расположены контрольно-пропускные пункты, контролируемые российскими военными. Вооруженные люди в камуфлированной форме, которые похитили Абдул-Малика Шахмурзаева, передвигались на военных машинах, БТР, что подтверждается

показаниями очевидцев. Вооруженные люди заблокировали дорогу и действовали в некотором смысле так же, как спецслужбы, проводящие «зачистку».

60. Правительство утверждало, что Абдул-Малик Шахмурзаев был похищен неизвестными вооруженными людьми. Далее утверждалось, что расследование данного происшествия находилось на рассмотрении, что нет никакого подтверждения того, что эти люди были представителями государственных структур, и поэтому нет никаких оснований, чтобы считать государство ответственным за предполагаемые нарушения прав заявителей. Далее им утверждалось, что не было ни одного убедительного свидетельства, что родственник заявителей мертв. Правительство также утверждает, что «не отрицая необходимости дальнейшей проверки версии о возможной причастности федеральных сил к похищению А.-М. Шахмурзаева, следует иметь в виду, что его похищение могли совершить заинтересованные в этом лица, причастные к криминальному миру, а также могло явиться результатом «кровной» мести». В то же время Правительство выяснило, что доводы заявителей относительно фактических обстоятельств похищения Абдул-Малика Шахмурзаева были противоречивы. В частности, оно утверждало, что заявители недостаточно информировали внутригосударственные органы об очевидцах этого похищения; что часть свидетелей показали, что во время задержания родственника заявителей был ранен мужчина, тогда как другие свидетели не упоминали об этом в своих показаниях, данных внутригосударственным органам или Суду, и что свидетели ареста А.-М. Шахмурзаева были не последовательны в своих объяснениях относительно количества БТР, задействованных в похищении.

В. Оценка фактов Судом

61. Суд отмечает, что в своей практике он уже разработал множество общих принципов, связанных с установлением фактов, относительно которых между сторонами имеется спор, в частности, когда сталкивался с утверждениями об исчезновении в соответствии со Статьей 2 Конвенции (их обобщенное изложение см. в постановлении *Bazorkina v. Russia*, № 69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006 года). Суд также замечает, что во внимание должно приниматься и поведение сторон при получении доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, стр.64-65, § 161)

62. Суд отмечает, что, несмотря на его запросы о предоставлении копий материалов уголовного дела по факту похищения Абдул-Малика Шахмурзаева, Правительство представило только некоторые из них, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ. Суд замечает, что в предыдущих делах он уже указывал, что это объяснение недостаточно для оправдания отказа в предоставлении необходимой ключевой информации (см. *Imakayeva v. Russia*, № 7615/02, § 123, ECHR 2006-...(выдержки)).

63. В свете вышеупомянутых принципов, Суд находит, что такое поведение Правительства подтверждает обоснованность утверждений заявителей. Таким образом, Суд приступает к изучению ключевых элементов настоящего дела, которые должны быть приняты во внимание при решении

вопроса: может ли родственник заявителей считаться умершим, и может ли быть ответственность за его смерть приписана властям.

64. Заявители утверждали, что люди, похитившие Абдул-Малика Шахмурзаева 8 февраля 2001 года и затем предположительно убившие его, были сотрудниками государственных органов.

65. Правительство утверждало, что люди, похитившие Абдул-Малика Шахмурзаева, были членами незаконных бандформирований, или его могли похитить по причине «кровной» мести. Однако это утверждение не было определенным, и Правительство не представило материалы, чтобы подтвердить его. Суд намерен подчеркнуть, что оценка доказательств и установления фактов является обязанностью Суда. Именно он может устанавливать доказательную ценность документов, представленных ему (см. *Zelikbilek v. Turkey*, № 27693/95, § 71, 31 мая 2005 года).

66. Суд отмечает, что утверждение заявителей подтверждается показаниями свидетелей и проведенным расследованием. Суд находит, что тот факт, что большая группа вооруженных людей в униформе на военных машинах могла свободно, при свете дня, перемещаться через блокпосты федеральных сил, производить проверку документов, удостоверяющих личность, и задерживать граждан, решительно подтверждает утверждение заявителей о том, что эти люди были сотрудниками силовых структур, проводивших спецоперацию. Внутригосударственные следственные органы также приняли за факты предположения, представленные заявителями, и предприняли меры по проверке причастности к похищению правоохранительных органов или федеральных вооруженных сил. Следственным органам не удалось установить, какие именно войсковые части или подразделения силовых структур проводили спецоперацию, но это не является показателем того, что в данном направлении были предприняты все необходимые шаги.

67. Суд отмечает, что в случае представления заявителями достаточно серьезных аргументов и при недостатке документов, необходимых для установления Судом фактических выводов, на Правительство возлагается ответственность окончательно объяснить: почему требуемые документы не могут быть представлены для подтверждения утверждений заявителей, или же предоставить удовлетворительное и убедительное описание обстоятельств рассматриваемых событий. Бремя доказывания, таким образом, возлагается на Правительство, и если оно не сможет предоставить удовлетворительные аргументы, возникают основания для установления нарушений в соответствии со Статьями 2 и/или 3 Конвенции (см. *Toğcu v. Turkey*, № 27601/95, § 95, 31 мая 2005 года, и *Akkum and Others v. Turkey*, № 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

68. Правительство подвергает сомнению достоверность показаний свидетелей относительно обстоятельств похищения Абдул-Малика Шахмурзаева (см. пункт 60 выше). В связи с этим Суд отмечает, что ключевые элементы, лежащие в основе доводов заявителей, фактически не отрицаются Правительством. Правительство не оспаривает того, что в указанное заявителями время группой вооруженных людей на БТР действительно было совершено похищение родственника заявителей. Это также было подтверждено официальным расследованием, проведенным районной

прокуратурой (см. пункт 17 выше). Суд находит, что несоответствия, выявленные Правительством в описании заявителями произошедших событий, являются столь незначительными, что не могут вызывать сомнения в убедительности доводов заявителей в целом.

69. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд считает установленным, что заявители представили достаточно серьезные доказательства (*prima facie*), что их родственник был задержан представителями Государства. Утверждение Правительства о том, что следствие не нашло никаких доказательств причастности к похищению спецслужб, является недостаточным для освобождения от вышеупомянутого бремени доказывания. Ссылаясь на отказ Правительства представить документы, которые находились в его исключительном владении, или предоставить другую убедительную версию событий, Суд заключает, что Абдул-Малик Шахмурзаев был похищен 8 февраля 2001 года сотрудниками государственных органов во время неустановленной спецоперации.

70. Никаких достоверных новостей об Абдул-Малике Шахмурзаеве не имеется со дня его похищения. Его имя не было найдено ни в одном из официальных списков лиц, содержащихся под стражей. Наконец, Правительство не представило никаких объяснений относительно того, что случилось с ним после его ареста.

71. На основании выводов из предыдущих дел по исчезновениям людей в Чеченской Республике, которые были рассмотрены Судом (см., среди прочих, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше, *Luluyev and Others v. Russia*, № 69480/01, ECHR 2006-... (выдержки); *Baysayeva v. Russia*, № 74237/01, 5 апреля 2007 года; *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, № 68007/01, 5 июля 2007 года), в контексте конфликта в Чеченской Республике, когда факт задержания человека неустановленными сотрудниками спецслужб впоследствии отрицается, то это может расцениваться как угрожающее жизни обстоятельство. Отсутствие Абдул-Малика Шахмурзаева или каких-либо новостей о нем в течение нескольких лет подтверждают это предположение.

72. Кроме того, Суд отмечает, что не смог воспользоваться результатами внутрисударственного расследования, в связи с неспособностью Правительства предоставить Суду какие-либо документы по настоящему уголовному делу (см. пункт 50 выше). Тем не менее, совершенно очевидно, что следствие не установило круг лиц, совершивших похищение.

73. Исходя из этого, Суд приходит к выводу, что имеющиеся свидетельства позволяют установить, что Абдул-Малик Шахмурзаев должен считаться умершим после его непризнанного задержания сотрудниками государственных органов.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

74. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции относительно исчезновения их родственника после того, как он был задержан российскими военнослужащими, и что внутрисударственные органы власти не смогли провести эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Доводы сторон

75. Правительство утверждало, что внутригосударственное расследование не получило никаких доказательств того, что Абдул-Малика Шахмурзаева нет в живых или что к его похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных правоохранительных органов. Правительство утверждало, что расследование по факту похищения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку все меры, предусмотренные национальным законодательством, были предприняты для установления виновных лиц.

76. Заявители утверждали, что Абдул-Малик Шахмурзаев был задержан представителями федеральных сил и должен считаться умершим по причине отсутствия каких-либо достоверных сведений о нем в течение нескольких лет. Они также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. В частности, они указали, что в течение нескольких лет районная прокуратура не допрашивала важных свидетелей. Уголовное дело по факту похищения Абдул-Малика Шахмурзаева было открыто только через четыре месяца после случившегося, а затем несколько раз приостанавливалось и возобновлялось, таким образом, задерживая проведение множества важных мероприятий, а о большинстве важных следственных действий заявители не были уведомлены надлежащим образом. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду материалы уголовного дела.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

77. В свете представленных сторонами аргументов, Суд считает, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, определение которых требует рассмотрения жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением

существа жалобы (см. пункт 58 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Абдул-Малика Шахмурзаева

78. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия государственных структур, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 года, серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147, и *Avşar v. Turkey*, № 25657/94, § 391, ECHR 2001-VII (выдержки)).

79. Судом уже установлено, что родственника заявителей следует считать умершим после его непризнанного задержания сотрудниками государственных органов и что ответственность за его смерть несет государство. В отсутствие каких-либо оправдывающих обстоятельств, выдвинутых Правительством, Суд делает вывод, что в отношении Абдул-Малика Шахмурзаева имеет место нарушение статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

80. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, гарантированное Статьей 2 Конвенции, требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы. Суд разработал ряд руководящих принципов, которых следует придерживаться при проведении расследования в соответствии с требованиями Конвенции (их обобщенное изложение см *Bazorkina*, цит. выше, §§ 117-119).

81. В данном случае похищение Абдул-Малика Шахмурзаева было расследовано. Суд должен определить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

82. Суд отмечает, что Правительством не было предоставлено Суду ни одного документа по данному уголовному делу. Поэтому необходимо оценить эффективность проведения расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены заявителями, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

83. Суд отмечает, что власти были осведомлены о свершенном преступлении на основании доводов заявителей. Тем не менее, уголовное дело № 19074 было возбуждено лишь 9 июня 2001 года, то есть через четыре месяца после похищения Абдул-Малика Шахмурзаева. Такая отсрочка сама по себе была причиной неэффективности расследования похищения при угрожающих жизни обстоятельствах, тогда как в подобных обстоятельствах решающие меры должны предприниматься в первые же дни после случившегося. Из этого явствует, что целый ряд важных шагов был отложен. Например, опрос ряда свидетелей был проведен только через несколько

месяцев после случившегося (см. пункты 22, 23,25 выше). Очевидно, что такие следственные мероприятия привели бы к значительным результатам, если были бы предприняты сразу же после того, как о преступлении стало известно властям и как только началось расследование. Такие задержки, которым в данном случае нет объяснений, не только демонстрируют неспособность властей действовать по собственной инициативе, но также представляют собой нарушение обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, № 46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

84. Ряд существенных шагов вообще не были предприняты. Во-первых, из материалов не явствует, что после установления того факта, что на территории бывшего консервного завода в то время действительно располагалось подразделение правоохранительных органов (см. пункт 30 выше), следствие не пыталось установить личности и допросить кого-либо из военнослужащих этого подразделения, чтобы определить, причастны ли они к задержанию Абдул-Малика Шахмурзаева или видели ли они его на территории завода после задержания. Кроме того, следствию не удалось установить, кому принадлежали БТР, передвигавшиеся в окрестностях села Чечен-Аул 8 февраля 2001 года.

85. Суд также отмечает, что заявители не были признаны потерпевшими и что их информировали только о приостановлении и возобновлении производства по указанному уголовному делу, но не о каких-либо других существенных результатах. Таким образом, следственным органам не удалось обеспечить необходимый уровень общественного контроля над ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников.

86. Наконец, Суд отмечает, что расследование по делу № 19074 приостанавливалось и возобновлялось несколько раз и что имеются длительные периоды бездействия со стороны районной прокуратуры, когда ею не проводилось никаких мероприятий.

87. Ссылаясь на Статью 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, Правительство упоминало о возможности заявителей оспорить в судебном порядке действия следственных органов в контексте исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. В отношении этого, Суд отмечает, что, на самом деле, заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и не обладая информацией о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействие следственных органов перед судом или вышестоящей инстанцией. Кроме того, следственными органами несколько раз возобновлялось производство по делу с целью проведения дополнительных следственных мероприятий. Тем не менее, им до сих пор не удалось должным образом изучить доводы заявителей. Кроме того, следственные мероприятия, не терпящие отлагательства, проводились безрезультатно в силу несвоевременности их проведения. В связи с этим, вызывает сомнения, что указанное средство защиты могло бы привести к какому-либо успеху. Соответственно, Суд считает, что средство правовой защиты, зависящее от Правительства, было при таких обстоятельствах дела неэффективным, и отклоняет возражение Правительства в части

предполагаемого исчерпания заявителями внутригосударственных средств правовой защиты в ходе уголовного расследования

88. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективного уголовного расследования обстоятельств исчезновения Абдул-Малика Шахмурзаева, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

89. Заявители сослались на Статью 3 Конвенции, указывая, что их родственник Абдул-Малик Шахмурзаев был подвергнут бесчеловечному обращению со стороны своих похитителей и что в результате его исчезновения и отказа государства провести добросовестное расследование они испытали душевные страдания. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Доводы сторон

90. Правительство не согласилось с этими заявлениями и утверждало, что следствием не установлено, что заявители Абдул-Малик Шахмурзаев подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

91. Заявители подтвердили свои возражения.

B. Оценка, данная Судом

(a) **Жалоба на жестокое обращение с Абдул-Маликом Шахмурзаевым 8 февраля 2001 года**

1. Приемлемость

92. Суд отмечает, что из документов, представленных на рассмотрение Суду, не явствует, что данный вопрос был должным образом поднят перед компетентными внутригосударственными органами. Таким образом, Суд делает вывод, что заявители не исчерпали доступные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении этой части своей жалобы в соответствии со Статьей 3 Конвенции.

93. Из этого следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена в соответствии со Статьей 3 §§ 1 и 4 Конвенции.

(b) **Жалобы относительно душевных страданий заявителей**

1. Приемлемость

94. Суд отмечает, что данная часть жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3

Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой ни по каким другим признакам. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

2. *Существо дела*

95. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, в отношении которой нарушены положения Статьи 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального дистресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на подобные запросы. Далее Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года, и *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

96. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками без вести пропавшего. Более семи лет они не имеют никаких известий об Абдул-Малике Шахмурзаеве. В течение этого периода первая заявительница, от своего имени и от имени других заявителей, обращалась и лично и в письменной форме в различные официальные органы, наводя справки о члене своей семьи. Несмотря на ее попытки, она так и не получила никаких правдоподобных объяснений и информации о том, что стало с ее мужем после его похищения. В ответах, полученных ею, главным образом отрицалось, что государство несет ответственность за его арест, или просто сообщалось, что расследование продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

97. В свете вышеизложенного, Суд находит, что заявители испытали эмоциональный дистресс и моральные страдания как результат исчезновения члена их семьи по причине отсутствия у них возможности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

98. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

99. Далее заявители утверждали, что Абдул-Малик Шахмурзаев был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

А. Доводы сторон

100. Согласно информации, предоставленной Правительством, не было получено ни одного доказательства того, что Абдул-Малик Шахмурзаев был лишен свободы в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции.

101. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

102. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует признать приемлемой.

2. Существо дела

103. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что непризнанное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, № 25704/94, § 164, 27 февраля 2001 года, и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

104. Суд считает установленным, что Абдул-Малик Шахмурзаев был задержан представителями государства 8 февраля 2001 года и с тех пор его не видели. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о его дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен

рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

105. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственник был задержан и куда-то увезен при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако, приведенные выше выводы Суда в части положений Статьи 2 и, в частности, характер проведенного расследования не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите родственника заявителей от риска исчезновения.

106. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что Абдул-Малик Шахмурзаев был подвергнут непризнанному задержанию без каких бы то ни было гарантий Статьи 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, закрепленного в Статье 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

1. Приемлемость

107. Заявители утверждали, что они не могли обратиться в суд, так как были лишены возможности подать гражданских иск о компенсации за похищения их родственника до тех пор, пока не закончится следствие. Они сослались на Статью 6 § 1 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом”.

108. Суд отмечает, что заявители не предоставили ни одного свидетельства, доказывающего их твердое намерение потребовать компенсацию через внутригосударственные суды. Соответственно, данная жалоба в этой части является явно необоснованной и должны быть отклонена согласно Статье 35 §§ 3 и 4 Конвенции (см. *Musikhanova and Others v. Russia* (решение о приемлемости), № 27243/03, 10 июля 2007 года).

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

109. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств правовой защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

110. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали им воспользоваться этим правом. Заявители могли бы подать гражданский иск о компенсации нематериального вреда или могли бы подать в суд заявления против следственных органов. Исходя из этого, Правительство утверждало, что не было нарушений Статьи 13 Конвенции.

111. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

112. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

113. Суд повторяет, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование уголовного дела об исчезновении оказалось неэффективным, что в свою очередь подрывало эффективность любого другого потенциально имеющегося в наличии средства правовой защиты, Правительство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

114. Следовательно, имеет место нарушение статьи 13 Конвенции, связанное со Статьей 2 Конвенции.

115. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что признает нарушение вышеназванного положения в части душевных страданий заявителей в результате исчезновения их близкого родственника, неспособности выяснить, что с ним произошло, и отношения властей к их жалобам. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции, связанное со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13, связанном со Статьей 3 Конвенции.

116. Что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд повторяет, что, в силу сложившейся практики, более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают собой требования Статьи 13. В свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате не признаваемого властями задержания родственника заявителей, Суд считает,

что в обстоятельствах данного дела нет оснований рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

117. Заявители жаловались, что при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, они подверглись дискриминации по национальному признаку, что противоречит Статье 14 Конвенции. Статья 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

118. Правительство оспорило это утверждение.

119. В своих замечаниях относительно приемлемости и по существу дела заявители указали, что они больше не поддерживают свое требование рассматривать жалобу в части предполагаемого нарушения Статьи 14 Конвенции.

120. Суд делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, именно в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не находит причин общего характера, затрагивающих уважение прав человека в соответствии с Конвенцией, которые требуют дальнейшего исследования настоящих жалоб по существу в силу Статьи 37 § 1 Конвенции *in fine* (см., например, *Chojak v. Poland*, № 32220/96, Постановление от 23 апреля 1998 года; *Singh and Others v. the United Kingdom* (решение), № 30024/96, 26 сентября 2000 года; и *Stamatios Karagiannis v. Greece*, № 27806/02, § 28, 10 февраля 2005 года).

121. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

122. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Компенсация материального ущерба

123. Заявители потребовали возмещения материального ущерба от потери заработка их родственника в результате его задержания и последующего исчезновения. Первая заявительница потребовала присудить ей 281,647 рублей (приблизительно 8,284 евро), вторая заявительница потребовала присудить ей 129,299 рублей (приблизительно 3,803 евро) и

третий заявитель потребовал присудить ему 110,968 рублей (приблизительно 3,264 евро).

124. Заявители утверждали, что они были финансово зависимы от их похищенного родственника и могли бы рассчитывать на его финансовую поддержку в целом в размере 15,351 евро. Их расчеты были основаны на положениях Гражданского Кодекса и на актуарных таблицах для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2007 году («Огденские таблицы - Ogden tables»).

125. Правительство сочло эти требования необоснованными.

126. Суд повторяет, что между материальным ущербом, компенсацию которого требуют заявители, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Принимая во внимание эти доводы, Суд находит прямую причинно-следственную связь между нарушением Статьи 2 относительно родственника заявителей и потерей заявителями материальной поддержки, которую он, вероятно, обеспечил бы им в будущем. Исходя из утверждений заявителей и учитывая отсутствие каких-либо документов, подтверждающих заработок Абдул-Малика Шахмурзаева на момент его похищения, Суд присуждает заявителям 10,000 евро совместно в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Компенсация морального ущерба

127. Заявители требовали компенсации морального вреда в размере 70,000 евро за страдания, которым они подверглись в результате потери члена их семьи, и безразличия, проявленного властями по отношению к ним и за непредставление информации о судьбе их близкого родственника.

128. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

129. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части непризнанного задержания и исчезновения родственника заявителей. Сами заявители признают себя жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. В качестве возмещения морального вреда Суд присуждает заявителям 35,000 евро совместно, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы

С. Издержки и расходы

130. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Чечне и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Они также просили компенсировать расходы за переводы и за услуги курьерской почтовой службы. Общая сумма требуемого

возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 7,100 евро.

131. Правительство оспорило разумность и оправданность размера их требований.

132. Суд, во-первых, обязан установить, были ли затраты и расходы, обозначенные представителями заявителей, фактически понесенными и, во вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

133. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

134. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что поскольку в данном случае применялась Статья 29 § 3, представители заявителей передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители. Также Суд отмечает, что заявители не предоставили Суду никаких документов, подтверждающих их требования возмещения административных расходов.

135. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 5,500 евро, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

136. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решает* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 14 Конвенции;

2. *Решает* объединить с рассмотрением по существу возражения Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств защиты и отклоняет их;

3. *Объявляет* жалобы на нарушение Статьи 2, Статьи 3 в отношении всех заявителей, Статьи 5 и Статьи 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;

4. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Абдул-Малика Шахмурзаева;

5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Абдул-Малика Шахмурзаева;

6. *Постановляет*, что имеет место нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении всех заявителей;

7. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Абдул-Малика Шахмурзаева;

8. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части заявленных нарушений Статьи 2 Конвенции;

9. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в связи со Статьями 3 и 5;

10. *Постановляет*,

(a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы, которые за вычетом суммы, подлежащий уплате на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на дату выплаты:

(i) 10,000 (десять тысяч) евро плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве возмещения материального ущерба всем заявителям совместно;

(ii) 35,000 (тридцать пять тысяч) евро плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда всем заявителям совместно;

(iii) 5,500 (пять тысяч пятьсот) евро плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями, в счет издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев с даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

11. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 9 апреля 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, секретарь
Кристос Розакис, Председатель

i Исправлено 4 мая 2009 года: изначально текст был «1) Г-жа Зарета Хамидовна Газиева, ...»